

Джон Джори и его ребята

— Прадед наш разбогател в годы промышленного бума после гражданской войны в Америке, — рассказывала Дебби, по-женски лихо раскручивая руль своей выдавшей виды «тойты» на улицах Луисвилля.

ОН СТАЛ одним из «железнодорожных баронов», завел себе новую семью, которая после его смерти отсудила себе все наследство. Нашей ветви выделили 250 долларов, представляешь? Это из нескольких-то миллионов! Недавно мы отослали эти деньги назад тем наследникам. Мол, спасибо, не надо!

На добродушном курносом лице Дебби лежала печать несвойственной ей жесткости. В Америке принято серьезно разговаривать о деньгах, хотя в основном предпочитают эту тему обходить. Но тут был особый случай. Видимо, история далекого предка передавалась в семье из поколения в поколение, как пример вероломства.

Дебби — стажер Театра актера в Луисвилле, одного из примерно двух десятков региональных репертуарных театров Соединенных Штатов, имеющих постоянную труппу, постоянно-

го главного режиссера и, что немаловажно, постоянное пристанище. Все это редкость в Америке, где кочующие труппы собираются в основном на одну-две постановки.

Основанный в 1964 году Театр актера создает уникальные в Америке возможности для распознавания и пестования молодых талантов. В нынешнем году в Луисвилле в 14-й раз будет проводиться ежегодный фестиваль новых американских пьес, в ходе которого зрителям показывают специально написанные для этого театра сочинения как маститых драматургов, так и тех, кто впервые пробует перо.

Уже несколько лет каждую осень здесь устраивают еще один фестиваль — «Классики в контексте». В прошлом году шла русская классика: «Дети солнца» Горького и чеховская «Чайка».

Само по себе обращение в американской глубинке к пьесам

из золотого фонда русской драмы трогают. Подумать только, где это происходит — в штате Кентукки, который если и был известен кому-то у нас, так разве только строчкой из старой ковбойской песни «Ах как ярко светит солнце у меня в Кентукки дома». И вот русские пьесы на сцене, выставка в фойе театра, посвященная Станиславскому, к которому театральная Америка испытывает глубочайшее почтение. На стенах — фотографии постановок Художественного театра, основанного Станиславским, его гастролей в США в конце 20-х годов.

Но это была лишь малая часть того «русского контекста», которым насыщался Луисвилль в течение восьми недель. На город с 300-тысячным населением обрушился шквал лекций, представлений, концертов, экспозиций, посвященных русской и советской истории, театру, архитектуре, балету, изобразительному искусству. В это время здесь можно было послушать Стравинского в исполнении луисвилльского симфонического оркестра или детройтский балалаечный оркестр, исполнявший русские народные мелодии, сходить на выставку,

посвященную 1000-летию крещения Руси, или посмотреть экспозицию русского авангарда.

ЛУИСВИЛЬСКИЙ театр работает в подчеркнуто реалистической манере. Здесь нет места экспериментаторству ради эксперимента или амигошонской развязности, когда текст классического произведения либо

канца в изнем привычном представлении. Тихий голос, мягкие манеры, уютная округлость в физическом облике, профессорская бородка и очки, через которые в собеседника внимательно вглядываются умные и доброжелательные глаза. И вместе с тем он мощнейший творческий и организационный двигатель своего театра, который благодаря

Театр актера в Луисвилле

стригут, либо дописывают в угоду модному и примитивно понятному «осовремениванию».

«Невредно вспомнить, — писал в предисловии к выпущенной специально к фестивалю брошюре о МХАТе художественный руководитель и главный режиссер луисвилльского театра Джон Джори, — какой колоссальной силой обладали слова «Московский Художественный театр», «Станиславский» для поколения американских театральных деятелей, выросшего и получившего образование в 50—60-е годы».

Джон мало похож на амери-

ему смог показать свои работы на Бродвее и по телевидению, экспортировал их в Югославию, Канаду, Австралию, Великобританию, Израиль и Гонконг.

Джори, кроме того, поставил пьесы в 15 региональных театрах. Под его руководством луисвилльский Театр актера не раз был отмечен наградами.

Джори удалось подобрать ровную, сильную группу исполнителей. К постановкам привлекаются и артисты других театров, что, в общем, является обычной для США практикой...

В рамках фестиваля была по-

казана интересная одноактная пьеса американской писательницы К. Санди «Антон сам собой» о Чехове. Это спектакль для театра одного актера.

На сцене одетый в тройку Чехов в процессе сочинительства, за письменным столом своего рабочего кабинета в Мелихове. За стеной шумят гости, постоянно пытающиеся его отвлечь, но так ни разу и не появившиеся перед зрителем. Актер Уильям Макналти в главной роли беспрерывно говорит, что на Чехова вообще мало похоже, вскакивает, мечется по кабине-

ту, что тоже не очень вяжется с чрезвычайно сдержанным образом Антона Павловича. Но текст — а это чеховские письма и дневники — интересен, смешон, и спектакль получается, хотя задача перед постановщиком стояла практически неразрешимая: сценическими способами показать творческую лабораторию писателя. Живая реакция зала еще раз убеждала в знакомой, в общем-то, мысли: насколько интересен, современен и в высшем смысле интернационален Чехов.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ театр в Америке, естественно, — полностью бесприбыльный институт, который даже и в мыслях не держит ничего, хотя бы отдаленно напоминающего хозрасчет. Существует он на пожертвования корпораций и индивидуальных доноров, каковых, скажем, в случае с луисвилльским театром, габарилось за последний год 25 тысяч. Понятно, что львиная доля этих пожертвований — размером от четверти миллиона долларов и выше — поступает от компаний и банков. Один из основных финансовых ангелов Театра актера — корпорация «Хьюмана инкорпорейтед» со штаб-квартирой в Луисвилле, которая, кстати, и дала свое имя фестивалю новых американских пьес. Это одна из известнейших в США медицинских фирм.

Подношения неприбыльным организациям, вроде Театра актера, не облагаются в США налогом. Кроме того, даруя, корпорации нередко имеют возможность снизить свою налоговую ставку, что бизнесу тоже не вредит. Ну а о рекламе и говорить не приходится. «Чайку» в Луисвилле поставили на взнос ликероводочной компании «Браун-Форман», «Дети солнца» увидели свет благодаря пожертвованию «Фонда Меллона». Так и пробавляется американское содружество муз и денег. Думаю, эти подробности небезынтересны для некоторых наших деятелей искусства, руководителей театров, стонущих от засилья отечественных бюрократов, но не помышляющих отказать от госу- дарственных дотаций. Кстати, государственные дотации существуют и здесь, в Луисвилле. Национальный гуманитарный фонд, например, выделяет театру немалые суммы на проведение симпозиумов, лекций...

Кто платит, тот, как известно и заказывает музыку. Эта банальная истина действует и здесь, в условиях «дикого Запада». В конечном счете не суть важно, кто ее заказывает, важно, какая музыка в итоге звучит.

В луисвилльском Театре актера рождается настоящее искусство, делающее честь его творцам и покровителям.

В. ЛИННИК.
(Соб. корр. «Правды»).

Луисвилль — Нью-Йорк.